

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 101.1+316.37

М.С. Горбулёва**MEMORY-TURN И БИОЭТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СИМВОЛИКИ
СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ***

Выяснение биоэтического содержания семиотики современной культуры на основе информационно-синергетического подхода позволяет понять стихийно возникающие способы адаптации человека к агрессивной действительности.

Ключевые слова: биоэтика, агрессия, *метогу-турн*, символика современной культуры, информационно-синергетический подход.

Разнообразие семиотических форм современной культуры акцентирует, прежде всего, две характеристики социального взаимодействия – защиту и угрозу. Этот вывод стал результатом исследования биоэтического содержания символики, формируемой в настоящее время. Импульсом для данного исследования стало утверждение о том, что биоэтика является формой защиты индивидуальности в современной культуре [1]. Угрозу для индивидуальности, реализующей возможности современного мира быть уникальной, составляют агрессия «тесного» социума [2] и унифицирующие человека воздействия Hi-Tech [3].

Рассмотрим эти источники угрозы. Во второй половине XX века человек как биологический вид стал заложником искусственной среды своего обитания, на новом уровне пробудившей в нем весь спектр инстинктов нападения. Этот вывод Конрада Лоренца, одного из создателей этологии и исследовательской программы эволюционной эпистемологии, основан на изучении инстинктивной агрессии, направленной против собратьев по виду [2. С. 5]. К перечню «грехов» К. Лоренцем [4] «добавлено» отсутствие целенаправленных усилий человека противостоять агрессивным реакциям своего естества, вызываемым нарушением границ ареала индивидуальности. Экспансия в пределы личного пространства реалий XX века – перенаселение; опустошение жизненного пространства; высокий темп жизни, навязанный всеобщей конкуренцией; возрастание нетерпимости к дискомфорту; генетическое вырождение; разрыв с традицией; индоктринируемость и угроза ядерного оружия – определяет список «искушений» для проявления агрессивного поведения, диктуемого биологической природой человека. Созданные человеком условия жизни, искусственные для него как биологического вида, на этологическом уровне требуют компенсации, которая проявляет себя в агрессии, направленной на того, кто оказывается слабее или принадлежит к более низкому иерархическому уровню в структуре сообщества, а сила этой реакции

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 11-06-00160 и гранта РГНФ №12-03-00198.

превышает воздействие внешнего раздражения [2. С. 56–62]. В эволюции каждого вида происходит отбор «разрешенных» и «запрещенных» поведенческих реакций. Инстинктивный запрет применять все естественное «вооружение» во внутривидовых стычках К. Лоренц трактует в качестве «врожденной морали». И чем сильнее «вооружен» вид, тем сильнее табуированы агрессивные реакции, направленные на своих собратьев. Данное этологическое правило защищает вид от вымирания. Человек, от природы не являясь хищником, т. е. принадлежа в своем естественном состоянии к «слабо вооруженным» видам, с приобретением искусственного оружия вынужден с ростом своей вооруженности вырабатывать способы, адекватно усиливающие его «врожденную мораль». В противном случае он обрекает себя на самоуничтожение [2. С. 234–247]. Таким образом, в конце XX века были выдвинуты веские аргументы для того, чтобы принять рост агрессии внутри человеческого сообщества в качестве самой серьезной угрозы для его существования [2. С. 37]. В связи с этим мы акцентируем два момента. Во-первых, среди тенденций, инициирующих возрастание агрессии и перечисленных К. Лоренцем, к настоящему моменту достаточно эффективные способы регулирования найдены только в отношении угрозы применения ядерного оружия и только потому, что известная модель «ядерная зима» убедила всех – в этой войне все окажутся в положении побежденных и победителей не будет. Это подтверждает имеющиеся возможности у человечества на рациональном уровне находить общие способы защиты перед лицом общей угрозы. Находить – при всей существующей множественности культур. Во-вторых, из обоснований, представленных К. Лоренцем, можно сделать вывод о том, что созданные этические системы утрачивают актуальность своей нормативности, а в наследовании культурных традиций обнаруживается серьезный разрыв. Необходимость ориентации философской рефлексии, воплощаемая в проблемном поле биоэтики, на поиск в сложившихся интеллектуальных традициях адекватных способов компенсации беспрецедентным антропологическим состояниям культуры диагностирована в концепте *memory-turn* и составляет его содержание [5].

В ракурсе *memory-turn* мы рассмотрим в данной статье стихийно возникающие семиотические формы современной культуры. Стоит пояснить, что собственно семиотические формы понимаются нами в качестве результатов конкретных информационных процессов, разворачивающихся в социокультурных системах [3]. Необходимо дать пояснение и тем различиям, с которыми нами употребляются понятия «символика» и «символ». В наших исследованиях [6–8] символ трактуется в качестве формы компактификации значений семиотических форм, которые создаются благодаря действию информационных механизмов в динамике социокультурных систем, а символика – как различные семиотические выражения компонент символа. При этом символика устанавливается во всех формах презентации (прежде всего – в визуальных презентациях), а символ, согласно А.Н. Уайтхеду, создается на той стадии, на которой данная «презентативная непосредственность» символики проходит «очищение посредством концептуального анализа» [9. С. 43; 10. С. 215–223]. Таким образом, символ становится результатом дискурсивного постижения внешних выражений знаков, составляющих реальность существ-

ования человека в культуре, а символика – есть результат тиражирования (тиражирования как действия информационного процесса) в культуре отдельных компонент символа.

Рассмотренная выше позиция К. Лоренца созвучна натуралистическому подходу (Ж.Ж. Руссо, З. Фрейд, К. Юнг, К. Леви-Стросс etc.) к пониманию культуры как насилия над естеством человека. В этом подходе мораль становится *компенсационным механизмом*, приспособляющим наследственную память к требованиям культуры, а ее коды фиксируют в символике и символах создаваемые табу. Но это же семиотическое выражение насилия присутствует в интерпретациях воздействий культуры, сделанных вне отмеченного подхода. Так, выводы, сделанные П. Рикёром на основании его исследований права в качестве составляющей культуры, позволяют трактовать закон как репрессию государства по отношению к человеку, выраженную в языке. Принимаемые в настоящее время регуляции дресс-кодов и нормативные основы введения тотального видеонаблюдения, вызванные требованиями обеспечения безопасности, подтверждают этот вывод. Символика этих действий амбивалентна, поскольку в одно и то же время она становится способом защиты человека и угрожает свободе индивидуальности, вторгаясь в частную жизнь человека.

Общей для мультикультурного мира становится идеология толерантности, которая изначально призвана была защищать право и свободу человека быть разным. Это отсутствие насилия над индивидуальностью стало принципом, объединяющим все течения в пространстве англосаксонской биоэтики, и практически единственным условием защиты индивидуальности в множественности культурных, политических и антропологических реалий современного мира [11. С. 224–252].

Идеи толерантности сопровождается вербальная регуляция, что составляет код политкорректности. Этот новый код направлен на сглаживание расовых, половых, физических, социальных отличий людей. Например, в англоязычном пространстве «blind» (слепой) заменяется на «visually impaired» (визуально поврежденный), «illiterate» (неграмотный) – «print-challenged», слабоумный – альтернативно одаренный, толстый – полнофигурный, «a pet» (домашний любимец) – an animal companion (животное – компаньон¹), а в связи с появлением однополых браков, слова «отец» и «мать» – на слова «родитель 1» и «родитель 2» etc. [10. С. 196–197]. В этой фиксации уважения прав человека быть разным, на наш взгляд, проявляется одно противоречие. Язык толерантности не защищает множественность, а нивелирует и унифицирует ее. Решение этого противоречия входит в философское содержание биоэтики.

Итак, принимаемые правила, нормы, кодексы в современном обществе для его безопасности, защиты от агрессии влекут за собой ограничения и лишения частной жизни индивида. Напротив, попытки утверждения своей идентичности, уникальности, в том числе – маргинальными сообществами, часто воспринимается обществом как вызов, угроза и агрессия. Вместе с тем

¹ (англ. companion animals) – термин, используемый для обозначения домашних животных, которых человек содержит у себя в доме для общения и получения положительных эмоций. Такие домашние животные противопоставляются, таким образом, сельскохозяйственным животным.

маргинальность в семиотических исследованиях истории культуры понимается в качестве зарождения жанров и стилей самобытных эпох. Нам представляется логичным в контексте обсуждаемых взаимосвязей символики защиты и угрозы обратиться к маргинальным сообществам, возникающим в современности вокруг символа оружия – меча [8, 12].

Меч является символом, выражающим и защиту (добро, справедливость, героизм), и нападение (зло, война, агрессия). Он же стал символом защиты легитимной власти и модели поведения благородного человека, имеющего право применять оружие, но ограниченного в своем праве осознанием полной меры ответственности за последствия своих действий [7, 8]. Это делает символ меча притягательным для той части молодежи, которая испытывает затруднения в выборе своей модели поведения и способов социальной адаптации в условиях множественной культурной действительности [12].

Результаты исследований интерпретации символа меча соответствующими маргинальными сообществами позволили вскрыть два эффекта, обеспеченных современным состоянием культуры, – эффект дегустации ценностей и эффект компенсации, неприятия действительности. Оба эффекта установлены на основе концептуальной модели, развернутый обзор которой представлен в статье И.В. Мелик-Гайказян в этом же номере журнала. Модель, созданная в рамках информационно-синергетического подхода, устанавливает корреспонденцию между формами культуры и ее системными функциями. В схематизме модели¹ семиотические формы культуры возникают в следующей последовательности: *идеология* (блок 1); *«новояз»* (блок 2), кодирующий новизну предлагаемой идеологии; *социальные сценарии* (блок 3), открывающиеся в создаваемой среде идеологии; *«переворот в символизме»* (блок 4), фиксирующий изменения в иерархии социальных сценариев и новые операторы реальности; *модели поведения* (блок 5), формирование которых было изначальной целью идеологии. Следует отметить то, что в этой последовательности есть ответвление. А именно, *«новояз»* (блок 2) может как предполагать варианты социального действия, так и предопределять форму *социальных мифов* (блок 6), становящихся заменой «ненаследственной памяти культуры». Перечисленные формы в их семиотическом выражении составляют фрагменты социокультурной действительности, воспринимаемые человеком (блок 7). В графике модели траектории этого восприятия совпадают с траекториями воздействий на человека или системных функций культуры: *нормативная, вербальная, прогностическая, критическая, адаптивная и компенсаторная функции*. Следует заметить, что эти совпадающие траектории имеют различные направления. Это разъясняет амбивалентность символики, поскольку назначение каждой семиотической формы передает единственное значение (например, меч как символ *модели поведения* рыцаря), но в контексте всей многомерности символа воспринимается как способ воссоздания *социального мифа*, конструирующего в действительности настоящего желаемое пространство жизни. При этом модель поведения воплощает в себе те или иные идеологии, социальные сценарии, интерпретации символов, которые реализуются в конкретном способе адаптации к действительности. Од-

¹ См. рис. 1 в статье И.В. Мелик-Гайказян в этом номере журнала (с. 172).

современное существование разных нормативных систем и разветвленность жизненных сценариев в принципиальной степени затрудняют выбор человеком способа адаптации, что в условиях дифференциации социальных ролей обуславливает эффект дегустации разных моделей поведения как апробирование в личном опыте всей ценностной нагруженности каждого из образов действий. Дегустация не предполагает насыщения всей жизни определенными ценностями, но в своем временном приобщении к этим ценностям требует погружения в конкретную аксиологическую и поведенческую среду.

Социологические исследования среды маргинальных сообществ, проведенные автором [7], показали, что самоорганизующиеся и абсолютно неформальные сообщества ролевиков¹, реконструкторов, артфехта² движимы целью, которую мы интерпретируем как дегустацию культурных ценностей. Перечисленные и не упомянутые здесь сообщества весьма разнообразны, удивительно многочисленны и объединены только одним основанием – отсутствием стремления к их легитимному признанию. По данному обстоятельству полной противоположностью является та часть маргиналов, которая стремится к своей легитимации и внешней манифестации. Ярким примером является сообщество джедаев (персонажи вселенной «Звёздных войн»), вдохновленных циклом фильмов «Звездные войны», и толкиенистов³, известных, в частности, по эльфийским ушам. Члены этих сообществ в официальных документах обозначают свое вероисповедание как религию джедаев, национальность – как эльф или хоббит, прилагают усилия для того, чтобы ООН официально признала так называемую «силу», трактуемую во Вселенной Звездных войн в качестве энергетического поля, создаваемого всеми живыми. Эти сообщества становятся примером эффекта имитации и конструирования реальности, противоположной актуальной действительности. Траекторию подобного конструирования реальности можно проследить по схеме упомянутой нами модели, разработанной И.В. Мелик-Гайказян.

Воспроизведем эту траекторию. Человек не видит в актуальной действительности «своих» социальных сценариев, а в существующей традиции – способов компенсации, что заставляет его совершить первый шаг – найти способ внесения корректив в «идейные» истоки желаемого мира (переход от блока 7 к блоку 1). Например, некоторые толкиенисты считают, что Дж.Р.Р. Толкиен не вполне верно описал мир, созвучный их настроениям. Изменения этого мира заставляют их творить свои коды и имена скорректированного мира. В этом проявляется второй шаг – переход от блока идеологии к блоку новояза. В третьем шаге, совершаемом по направлению к блоку 6, создается уже своя история конструируемого мира. Создаваемая версия истории уже обеспечивает действие компенсаторной функции (переход от блока 6 к блоку 7). Представленная траектория этих шагов напоминает знак бесконечности – ∞ , а многократное повторение данных шагов в конструировании виртуальной реальности бесконечно отдаляет человека от адаптации к

¹ Ролевое движение (ролевики) является неформальной общностью людей, играющих в различные ролевые игры, в первую очередь ролевые игры живого действия.

² Артистическое, сценическое фехтование.

³ (от Толкин) поклонники книг Дж. Р.Р. Толкина, имеющие тесную связь с субкультурой ролевиков.

актуальной действительности. Вместе с тем логика следования семиотических форм заставляет формировать некую структурность виртуального мира (блок 3) и символы принадлежности к иерархическим уровням этой структурности (блок 4). Именно ощущение разрыва между реальным и виртуальным заставляет подобные сообщества искать легитимного признания своих идейных истоков и в явном виде обозначать (например, совершаемыми бодимодификациями: эльфийские уши, клыки, имплантированные рога, змеиные языки, татуировки) свою принадлежность к конструируемому миру.

Таким образом, адаптация противостоит компенсации, социальные мифы – моделям поведения и социальным сценариям, а эффекты дегустации и эффекты имитации становятся противоположными антропологическими стратегиями в множественности культур. Мы хотим подчеркнуть, что эпатаж внешнего выражения сопутствует идеологии искусственных культурных миров и воплощает эффект имитации, а дегустация характеризуется сокрытием своего свершения и становится средством приобщения к интеллектуальным традициям, апробированным временем.

Имитация защиты слабого проявляет себя в семиотических формах этического отношения к животным. Несомненной заслугой биоэтики стало внедрение процедур этической экспертизы при использовании лабораторных животных в биомедицинских исследованиях. Это проявило то, что идеология отношения к животным на сегодняшний момент устарела. Защита лабораторных животных и соответствующее регулирование технологии экспериментов привели к разработке и принятию пока только в зарубежном опыте ряда нормативных документов («Всемирная декларация прав животных», «Кембриджская декларация о сознании»). Ныне, благодаря уставам и правилам биоэтики, в международной практике отвергаются результаты исследований с жестокими опытами на животных; существуют «черные» и «белые» списки косметики и бытовой химии, что приводит к бойкоту продукции фирм-нарушителей; формируются движения, подобные Фронту освобождения животных¹. Иными словами, животное рассматривается как недееспособный субъект права и существо со своими желаниями, чувствами и потребностями. За жестокое обращение с животным (что включает и неправильное содержание) само животное может быть конфисковано, а владелец наказан штрафом или даже лишением свободы. В отечественном опыте животное рассматривается только как имущество, что исключает возможность решения проблем, связанных с нарушением прав животных. Это объясняет, что защита животных осуществляется в некоем подражании опыту других стран или созданием групп защитников, действующих на основании собственных представлений о помощи животным. В этих стихийно создаваемых группах в полной мере проявляются эффекты дегустации и имитации маргинальных сообществ, поскольку сами эти группы, к сожалению, в отечественной действительности воспринимаются как маргиналы. Сожаление вызывают и формы *имитации* защиты животных. В качестве примеров такого поведения мы приведем

¹ Фронт освобождения животных (англ. Animal Liberation Front, сокр. ALF) – основанное в 1976 году международное подпольное движение безлидерного сопротивления, объединяющее вегетарианцев и веганов, практикующее «прямые действия» для освобождения животных, находящихся в неволе.

только два случая. Первый из них, касается истории содержания пенсионеркой в своей однокомнатной квартире ста семнадцати кошек, второй – формирования движений ситихантинга¹. Эффект компенсации проявляется в том, что сами люди в подобных действиях обнаруживают собственную неспособность противостоять нарастающей агрессии в обществе. Это, в частности, подтверждается анализом используемого лексикона на интернет-форумах, на которых заявляют о себе эти люди.

Вместе с тем происходит адаптация зарубежного опыта защиты животных. Она осуществляется на основе апробирования инициативными группами соответствующих моделей поведения. Это воплощается на практике в законодательных инициативах, в популяризации идей движений «зеленых» (WWF², PETA³, WSPA⁴, Вита⁵ etc.), в организации приютов для брошенных и пострадавших от жестокого обращения животных. Но сами эти сценарии действий фактически подтверждают отсутствие (или полную утрату) в отечественном опыте культурной традиции гуманного отношения к животным и защиты человеком того и тех, кто кажется им слабее себя. Позитивными примерами внедрения зарубежного опыта защиты слабых становится организация различных некоммерческих организаций, благотворительных фондов, социальных движений, направленных на помощь оставленным без попечения детям; пожилым людям и инвалидам; больным различными заболеваниями, их родственникам; людям, пострадавшим во время стихийных бедствий, войн; защиту окружающей среды, животных.

Заметим, что подобное восприятие биоэтических проблем в основном стимулируется телепередачами и интернет-форумами. Встает вопрос о нормативности и в медицинской сфере, как неизбежной для столкновения «своей» реальности человека и реальной действительности. Принимая представителей «нестандартных», маргинальных, альтернативных сообществ такими, какие они есть (эльфы, хоббиты, джедаи, вегетарианцы, веганы etc), врачи отказываются от патерналистского подхода так же, как это происходит в ситуациях со сменой пола, в случаях андрогинности, пластической хирургии, прерывания беременности etc. С одной стороны, медицинская и биологическая этика направлена на сохранение ценности и целостности (и при необходимости – на возобновление этой целостности) индивида как морально, так и фи-

¹ Обобщающее понятие, обозначающее группы людей, по собственной инициативе осуществляющих мероприятия по регулированию численности животных в городах посредством отравления, отстрела и других антигуманных методов. Группы подразделяются на догхантинг («охотники на собак» – от англ. dog + hunters, также догкиллеры), кроухантинг (уменьшение численности ворон и птиц вообще), варминтинг (охота на крыс и грызунов вообще).

² Всемирный фонд дикой природы (англ. World Wildlife Fund, сокр. WWF) – международная общественная организация, работающая в сферах, касающихся сохранения, исследования и восстановления окружающей среды.

³ Люди за этическое обращение с животными (англ. People for the Ethical Treatment of Animals, сокр. PETA) – организация, ведущая борьбу за права животных.

⁴ Всемирное общество защиты животных (англ. World Society for the Protection of Animals, сокр. WSPA) – международная некоммерческая зоозащитная организация, осуществляющая свою деятельность в более чем 150 странах мира и объединяющая более 900 организаций.

⁵ Центр защиты прав животных «Вита» (англ. VITA Animal Rights Center, от лат. vita – «жизнь») – российская общественная благотворительная организация, относится к типу организаций «за права животных» (англ. animal rights).

зически. Но в ситуации с обсуждаемыми представителями сообществ и возникающими проблемами (модификация тела, отказ от использования традиционных схем лечения, отказ от продуктов, лекарств, препаратов с включениями компонентов животного происхождения) стоит вопрос не о воссоздании нормы, а о нарушении нормы или, что будет точнее, о новой деформации нормы. В этом проявляется стихийный поиск действенных способов противостояния агрессии, генезис которой был рассмотрен в начале статьи, и опыт распознавания символики био-власти.

Литература

1. Мещерякова Т.В. Биоэтика как форма защиты индивидуальности в современной культуре // Высшее образование в России. 2009. № 10. С. 94–99.
2. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.
3. Мелик-Гайказян И.В. Концептуальная модель диагностики технологий информационного общества // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2010. № 5. С. 42–51.
4. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала / Пер. с нем. М.: Республика, 1998.
5. Мелик-Гайказян И.В. Диагностика тегогу-турп, или Биоэтическое измерение проблем профессионального образования // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2012. № 4, С. 244–247.
6. Горбулёва М.С. Восприятие символа как феномен дегустации культуры // Конструирование человека: сборник трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2009. С. 69–72.
7. Горбулёва М.С. Образ меча: предметность и символика в современности // Конструирование человека: Сборник статей. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2008. С. 20–54.
8. Горбулёва М.С. Оружие символа и символ оружия: семиотические границы образования // Высшее образование в России. 2009. № 10, С. 99–102.
9. Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие / Пер. с англ. Томск: Водолей, 1999.
10. Миф, мечта, реальность: постнеклассические измерения пространства культуры / Под ред. И.В. Мелик-Гайказян. М.: Научный мир, 2005.
11. Тищенко П.Д. На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011.
12. Горбулёва М.С., Шабанов Л.В. Маргинальность как симптом срыва социальной адаптации // Высшее образование в России. 2008. № 9. С. 109–113.